

ГЛАВА 1

— Я же сказал, что лучше брать не заморский клей, а наш, — проговорил Петр Николаевич Орлов в трубку телефона, стоявшего на его рабочем столе. — Ты, видимо, повелся на красивую упаковку. Отечественный чем хорош, знаешь? А я тебе объясню. Он со временем не проявляется. А вот от импортного я хорошего не жду. Соседка по даче так прокололась. Взяла она импортный, нахваливала, а года через четыре жаловаться стала. Дескать, по швам все белыми разводами пошло. Коробка у нее сохранилась, я и запомнил. А у тех, кто наш клей брал, все в полном порядке. Ты много взял? Сколько?.. Чек-то не потерял?

Стас слишком сильно нажал на нож, и лезвие со стуком ударилось о фарфор.

Орлов покосился в его сторону, но настаивать невидимого бедолагу не перестал.

Гуров поймал его взгляд и выразительно развел руки в стороны.

— Пора приступать, Петр Николаевич, — прошептал он.

Стол практически был готов. Крячко, занимавшийся закуской, отправил последний огурец в салатницу, к другим овощам. На широкой пластиковой тарелке, стоявшей по соседству, толстые ломти финского сервелата заботливо окружали рыжую горку моркови по-корейски. Отдельно, на обычном бумажном листе формата А4 ждала своего часа половинка буханки бородинского. Шпроты было решено таскать прямо из банки. И уж совсем поодаль от всего этого стояла бутылка водки. Она тут была как бы ни при чем.

Гуров подошел к Стасу и спросил:

— Тебя точно не хватятся?

— Нет, на сегодня все, — ответил Крячко, вытер руки бумажной салфеткой и упал на стул. — Последний день. Все успел.

— Ну смотри. — Гуров подвинул свой стул и уселся рядом с лучшим другом. — А то, помнится, вот так же все хорошо начиналось. Мы выпили, закусили, а потом к тебе какая-то дама пришла. Ты сам ее повесткой вызвал по какому-то крайне важному, совершенно неотложному делу.

— Не помню такого.

Крячко, конечно же, все прекрасно помнил, но не считал нужным ворошить минуты

своего позора. Гуров уважал его желание, но не мог удержаться от того, чтобы не напомнить лишний раз о том, о чем Станислав уже сто раз пожалел. Впрочем, не так уж часто он и прокалывался.

— А с кем это Петр общается? — спросил Гуров, цепляя двумя пальцами кружок колбасы.

— Не знаю. Но он его уже двадцать минут учит обои клеить.

— Понял. Может, пока накатить?

— Без начальства? В его кабинете? Рискни.

Стас внимательно посмотрел на бутылку. Она стояла напротив окна, насквозь простреленная лучом заходящего солнца.

— Давай. Начни, а там посмотрим, — подначил его Гуров. — Иначе он будет сто лет по телефону разговаривать.

Крячко решился, взял бутылку в руку. В тот же момент Орлов опустил трубку на рычаг. Станислав сделал вид, что очень интересуется мелким шрифтом на этикетке.

— Вот послал же бог дружка, — пробормотал Орлов, выбираясь из-за своего стола. — Как тройню заделать, так это он мастерски, а как ремонт начать, так сразу куча вопросов.

— Давай уже начинать, Петр Николаевич, — сказал Гуров.

— Ну так наливайте! — заявил тот.

Генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов являлся непосредственным начальником полковников Крячко и Гурова, но позволял им нарушать субординацию. Слишком давно шли плечом к плечу, чересчур хорошо чувствовали друг друга, хоть в общем мало в чем были схожи. Поэтому, собираясь отметить двойное отбытие в отпуск, Станислав Васильевич и Лев Иванович не очень долго думали о том, где накрыть поляну. Разумеется, в кабинете шефа.

Крячко наполнил пластиковые стаканчики.

Генерал-лейтенант взял в руку свой, потянул носом воздух и заявил:

— Подведете вы меня под монастырь. Будем!.. — Орлов залпом осушил стаканчик.

Лицо его тут же просветлело, взгляд забегал по тарелкам.

Крячко и Гуров тут же продублировали действия начальника и дружно потянулись за шпротами.

— А у меня ведь тоже ремонт намечается, — заметил Гуров. — Пока жена на гастролях, займусь делом.

— Так и у меня та же история, — заявил Стас. — Я что, не говорил?

— Тоже жена на гастролях? — с усмешкой осведомился Гуров.

— Нет, тоже ремонт. Да такой, что я в квартире с трудом выживаю.

— Импортный клей не покупай! Наш куда лучше, — заявил Орлов.

— Я понял. — Стас согласно кивнул и добавил: — Правда, до того момента еще дожить надо.

— И далеко зашел? — спросил Гуров.

— Стадия «хрен поймешь», — с досадой ответил Крячко.

— Это когда вон там пусть подсохнет, а здесь еще и не начинали? Сантехнику менять будешь?

— Не только. Кухня как после взрыва. Весь санузел разрушен. Трубы в стены прятать будут.

— «Будут»? — проговорил Орлов. — Не один, значит, занимаешься?

— Я бригаду нанял, — нехотя объяснил Крячко суть дела. — Простой раз все делал сам, кое-где промахнулся, да и растянулось все это творчество надолго. В общем, зверски устал. А тут подвернулись ребята с хорошей репутацией. Берут недорого, делают на совесть. Пусть. Постою рядом, поплюю в потолок. Имею право. Правда, сплю в углу на раскладушке и питаюсь святым духом, но это мелочи. Слышь, Лева, я могу их к тебе потом откомандировать.

— Не надо, — сказал Гуров. — Я сам управлюсь.

— Ну и ладно, как знаешь. — Стас пожал плечами, словно впервые увидел бутылку и спросил: — Повторим?

Орлов подставил свой стакан. Гуров вежливо ждал, пока напарник обслужит вышестоящее начальство.

Мимо закрытой двери по коридору прокатились громкие голоса. Вечер выгонял сотрудников на улицу, в сентябрьскую теплынь.

Орлов взглянул на дверь кабинета. Вот, мол, будет номер, если кому-то вздумается навестить меня в конце дня, а я тут водочкой балуюсь вместе с этими господами полковниками.

— Дверь на ключ закрыта, — сказал ему Гуров. — Я же не дурак, чтобы ворота держать распахнутыми. Ты лучше мне вот что скажи. Один со всеми заморочками справишься? Нас ведь долго не будет.

Петр Николаевич заглянул в стакан, но на этот раз ничего нюхать не стал.

— Разберемся, — ответил он, пронзив вилкой ломтик помидора. — Не первый год замужем.

— Не первый, — согласился Гуров. — И что это я, в самом деле?

— Надо будет, я вас вызову.

— Тогда лучше выпить за то, чтобы ты о нас и не вспомнил! — проговорил Крячко. — Ведь это будет означать, что ничего серьезного не произошло.

После второго захода Лев Иванович ощутил, как в грудной клетке у него словно заворочался маленький пушистый зверек. Жить вдруг стало уютно и хорошо. Теперь главным было не усугубить это состояние, продлить его, понежиться в нем. Оно всегда быстро проскакивало мимо, но пока еще не исчезло окончательно.

Ему хотелось насладиться им в полной мере. Ведь у него и на самом деле все было в порядке. Везде. В кошельке, в личной жизни, в желудке и в психоэмоциональном состоянии тоже. Завтра, считай, уже отпуск.

Рядом не кто-то там, заглянувший по делу, а самые что ни на есть свои люди. С ними чертовски приятно культурно выпивать, закусывать и спорить на различные философские темы. Работать бок о бок с ними тоже здорово. Народ надежный, проверенный не один десяток раз.

Подобная сентиментальная чушь появлялась в голове Льва Гурова не так уж и часто. Но иногда он все же позволял себе рассла-

биться, потому как знал, что все это умиротворение — явление недолгое.

Да и напиться до соплей не получится. Во-первых, зачем? Во-вторых, ясная голова сыщику нужна не иногда, а даже во время распития.

Он встал, подошел к окну, достал сигареты.

— Давай, устрой мне тут пожар, — заявил Орлов из-за стола.

Гуров промолчал. Курил он редко, хоть и постоянно таскал в кармане пачку сигарет. Иногда они помогали разрулить сложные ситуации. Если не ему, то кому-то другому.

— Да пусть его. Дым мигом выветрится, — заявил Стас. — Слушай, Петр Николаевич, я насчет клея для обоев хотел спросить...

Гуров облокотился о подоконник, выдохнул сигаретный дым. Тот мгновенно спутался с ветерком и исчез.

Лев Иванович внезапно вспомнил вчерашний вечер, поздний телефонный звонок и растерянное лицо Марии. Все произошло внезапно. Гуров так и застыл на пороге кухни с тарелкой в руках. Кто-то умер, что ли? ■ Что вообще происходит?

Мария прикрыла глаза и сказала своему собеседнику:

— Да, конечно, я согласна. Даже так? А во сколько? Ну, если это никого не напрягает, то буду благодарна. Спасибо.

Мобильник лег на стол. Гуров ждал.

— Все в последний момент, Лева, — извиняющимся тоном произнесла жена. — Уже послезавтра вечером съемки. Меня утвердили, а позвонить забыли. Все не как у людей.

— Куда на этот раз? — с тяжелым вздохом осведомился Гуров.

— В Берлин. На месяц.

— Долго, — протянул Лев Иванович. — И очень уж неожиданно. Во сколько за тобой приедут?

— В половине седьмого утра.

— В половине, прости, чего?! — Гуров аж поперхнулся.

— Седьмого. Утром.

Такое было уже не раз. О его жене-актрисе режиссеры и прочие продюсеры часто вспоминали, стоя одной ногой на трапе самолета. Маша никогда не отказывала им. Она всегда понимала всю суть новой роли и воспринимала ее как очередной шанс получить вполне заслуженное признание.

А вот Гуров каждый раз расстраивался. После подобных звонков начинались гон-

ки по вертикали. Они включали в себя беготню по магазинам, столкновения в коридоре, раздраженное Машино: «Лева, посиди, пожалуйста, на одном месте» и прочие нервные моменты.

Лев Иванович никогда не обижался на жену. Он ничем не мог помочь ей, однако знал, что она и сама справится с этими делами.

Только вот как быть в данном случае? На улице почти ночь, машина приедет практически на рассвете, и жена попросту не успеет собраться.

Но в этот раз Маша, похоже, не планировала переживать по этому поводу.

— Наверное, это тот самый крайне редкий случай, когда я смогу обойтись без сбоев, — с улыбкой проговорила она.

— Как так? — удивился Гуров. — Ты что, заранее знала о том, что тебя позовут?

Жена шагнула к нему, обняла руками за шею и сказала:

— Ничего я не знала. Просто подумала так. Каждый раз бегая, собираюсь словно в космос, а на деле беру с собой одно и то же. Вот и приготовила все заранее.

Гуров в долгу не остался.

Он отставил от себя тарелку с остывшими макаронами, поцеловал Машу в лоб, с

наслаждением ощутил запах ее волос и тихо спросил:

— Значит, ты выкроила для меня время?

— И для себя тоже, — сказала она.

Потом, уже где-то в половине второго ночи они сидели прямо на полу перед открытой балконной дверью, поедали бутерброды с бужениной, запивали их пивом. Если Мария и переживала о чем-то, то только о ремонте, который целиком ложился на плечи любимого мужа.

— Я, может, впервые в жизни захотела вместе с тобой стены выравнивать, — с набитым ртом сказала она. — Прямо извелась вся, размечталась.

— Охотно верю, — сказал Гуров. — Даже не знаю, получится ли у меня что-то без тебя. Слушай, ты так резво согласилась на гастроли, что я весь в сомнениях.

— А я знала, что меня позовут, — с умным видом заявила жена. — Просто знала, да и все. Пусть и не наверняка. Скорее, догадывалась.

— Так оно и вышло, — закончил ее мысль Гуров. — Стало быть, я могу тебе верить? Ты не будешь наставлять мне рога?

— Не в этот раз, — твердо ответила Маша.

— Вот черт, а так хотелось!

Сентябрь был очень теплым. Люди до сих пор ходили в летней одежде. Температура